

И.Е. СУРИКОВ*

**КРАЖА
В РАННЕМ ГРЕЧЕСКОМ ПРАВЕ
(НА ПРИМЕРЕ АФИН)**

Согласно наиболее распространенной, фактически хрестоматийной точке зрения вопрос о краже и наказании за нее трактовался уже в первом афинском своде писаных законов, изданном Драконтом (Драконом)¹ в 621 г. до н.э.² Как известно, «драконовские» законы уже начиная с античности (конкретно — со второй половины IV в. до н.э.) воспринимались как беспрецедентно жестокие, будто бы они едва ли не все виды преступлений карали смертной казнью (таким образом, и кражу тоже). Однако в действительности это, судя по всему, историографический миф, «мнимая реальность», о чем нам уже довольно давно приходилось писать³, а ныне к аналогичным выводам нередко приходят и западные антиковеды⁴.

Источники, в которых сообщается о том, что Драконт предписывал казнить воров, почти все являются поздними. Так, Плутарх пишет:

---

* Суриков Игорь Евгеньевич — доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела сравнительного изучения древних цивилизаций Института всеобщей истории РАН. В основе статьи лежит доклад, прочитанный на X международном научном семинаре «Римское право и современность» на тему «Furtum в его юридическом, философском и экономическом аспектах», проходившем в Стамбуле 29 октября — 1 ноября 2014 г. Работа проведена при поддержке РГНФ в рамках грантов «Законодательная и реформаторская деятельность Солона в контексте истории архаической Греции» (проект № 14-01-00018) и «Исследование по истории развития системы римского и европейского государственного права» (проект № 13-01-00093).

¹ В дальнейшем мы будем пользоваться только написанием «Драконт», поскольку оно корректнее с лингвистической точки зрения.

² Важнейшие монографические исследования о законодательстве Драконта: *Stroud R.S.* The *Axones and Kytbeis of Drakon and Solon*. Berkeley, 1979; *Gagarin M.* *Drakon and Early Athenian Homicide Law*. New Haven, 1981; *Carawan E.* *Rhetoric and the Law of Draco*. Oxford, 1998.

³ См.: Суриков И.Е. Проблемы раннего афинского законодательства. М., 2004. С. 27 сл.; *Он же*. О некоторых мнимых реальностях в античной и современной историографии древних Афин // Древнейшие государства Восточной Европы. 2003 год. Мнимые реальности в античных и средневековых текстах. М., 2005. С. 239 сл. (в работе, упомянутой последней, мы даем конкретный диахронный анализ формирования этого мифа).

⁴ Один из последних примеров: *Carey C.* In Search of Drakon // *The Cambridge Classical Journal*. 2013. Vol. 59. P. 29–51 (указывается, что суровость законов Драконта преувеличена).

«...Солон прежде всего отменил все законы Драконта, кроме законов об убийстве; он сделал это ввиду жесткости их и строгости наказаний: почти за все преступления было назначено одно наказание — смертная казнь; таким образом, и осужденные за праздность подвергались смертной казни⁵, и укравшие овощи или плоды несли то же наказание, как и святотатцы и человекоубийцы (*καὶ τοὺς λάχαρα κλέψαντας ἢ ὀπίωραν ὁμοίως κολάζεσθαι τοῖς ἱεροσύλοις καὶ ἀνδροφόνοις*)» (*Plut. Sol. 17*). Плутарху вторит Авл Геллий, утверждающий, что по законам Драконта вор за любую кражу должен был караться смертью (*furem cuiusmodicumque furti supplicio capitis poeniendum esse*) (*Gell. XI.18.3*).

Есть, кажется, только одно достаточно ранее свидетельство, которое на первый взгляд можно отнести к законодательству Драконта о кражах. Оно принадлежит Ксенофону — автору в целом весьма уважаемому с источниковой точки зрения. Не случайно поэтому именно на нем особенно акцентирует внимание Л.А. Пальцева, занимавшаяся в отечественной науке драконтовскими законами и притом убежденная в полной правоте традиционных воззрений⁶. По ее мнению, пассаж из Ксенофонта, который непосредственно ниже будет нами процитирован, «является весомым подтверждением того, что поздняя традиция, приписывающая Драконту законы о кражах, возникла не на пустом месте»⁷.

Но что же в действительности говорит Ксенофонт в трактате «*Oikonomikos*» (на русский обычно переводится как «Домострой») устами своего героя — «идеального домохозяина» Исхомаха, рассказывающего Сократу о том, как он учил своих рабов вести порядочный образ жизни?

«...Я все-таки пробую наставлять слуг на путь честности: для этого беру кое-что из законов Драконта, кое-что из законов Солона. Мне кажется, и эти мужи при издании многих законов задавались целью учить такой честности. Так, в законе сказано: наказание за кражу — пойманный на месте преступления подвергается лишению свободы, а оказывающий вооруженное сопротивление осуждается на смертную казнь. Очевидно, стало

⁵ Закон о праздности (*νόμος ἀργίας*) Драконту совершенно точно не принадлежит. Он был издан Солоном либо даже Писистратом (что, правда, менее вероятно). Подробнее по вопросу см.: Суриков И.Е. Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемические заметки). Ч. I // Из истории античного общества: Сборник научных трудов. Вып. 11. Нижний Новгород, 2008. С. 16 слл.

⁶ См.: Пальцева Л.А. К вопросу о составе законодательства Драконта // Мнемон: Исследования и публикации по истории античного мира. Вып. 6. СПб., 2007. С. 195–210. Нашу полемику со взглядами этой исследовательницы см.: Суриков И.Е. Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемические заметки). Ч. I. С. 5–25.

⁷ Пальцева Л.А. Указ. соч. С. 204.

быть, что законодатели хотели посредством этого закона сделать для бесчестных людей эту позорную страсть к наживе бесполезной»⁸.

Так есть ли у нас достаточные основания считать, что Ксенофонт приводит (естественно, не дословной цитатой, а в пересказе своими словами) закон, принадлежащий действительно Драконту? Сейчас мы покажем, что таких оснований нет, а, напротив, все говорит о противоположном.

В данном пассаже говорится о законах Драконта и Солона. Следовательно, и указываемый Ксенофонтом закон принадлежит не однозначно Драконту, как думает Л.А. Пальцева, а *либо* Драконту, *либо* Солону. Но кому же из них двоих? На простой вопрос – простой ответ: разумеется, цитируется *действующее* законодательство, а не какое-то давным-давно отмененное. А действующим на тот момент законодательством в Афинах было солонское. Значит, о законе Драконта, каким бы он ни был, это место трактата Ксенофонта ровно никаких конкретных сведений не содержит.

Тут ведь следует напомнить, что согласно античной нарративной традиции Солон отменил все законы Драконта, кроме законов об убийстве. Стало быть, отменил и законы о краже, если таковые у Драконта были. Кстати, обратим внимание и на то, что дух закона, содержащегося у Ксенофонта, совершенно не коррелирует с теми общими представлениями о Драконте как законодателе, о которых уже говорилось выше: он-де карал смертью любое преступление, иных наказаний просто не было. А в цитате из Ксенофонта, как мы видели, сказано: «...пойманный на месте преступления подвергается лишению свободы, а оказывающий вооруженное сопротивление осуждается на смертную казнь». Стало быть, не всегда казнь!

На наш взгляд, повторим, подобная недифференцированность драконтовских законов в действительности не имела места. И доказать это довольно несложно. В знаменитом законе Драконта об убийствах, который дошел до нас в эпитафической копии (IG I³. 104)⁹ и, следовательно, свободен от подозрений в неаутентичности, искажениях и т.п., за неумышленное убийство назначается изгнание, а отнюдь не казнь. Но мы здесь полемизируем с Л.А. Пальцевой, поэтому вынуждены указать, что в ее построениях имеется серьезное внутреннее противоречие, сильно ослабляющее всю аргументацию.

⁸ Xen. Oec. 14.4–6: ...τὰ μὲν καὶ ἐκ τῶν Δράκοντος νόμων, τὰ δὲ καὶ ἐκ τῶν Σόλωνος πειρώμαι, ἔφη, λαμβάνων ἐμβιβάζειν εἰς τὴν δικαιοσύνην τοὺς οἰκέτας. δοκοῦσι γάρ μοι, ἔφη, καὶ οὗτοι οἱ ἄνδρες θεῖναι πολλοὺς τῶν νόμων ἐπὶ δικαιοσύνης τῆς τοιαύτης διδασκαλίᾳ. γέγραπται γὰρ ζημιῶσθαι ἐπὶ τοῖς κλέμμασι καὶ δεδέσθαι ἂν τις ἀλῶ ποιῶν καὶ θανατοῦσθαι τοὺς ἐγχεροῦντας. δῆλον οὖν, ἔφη, ὅτι ἔγραφον αὐτὰ βουλόμενοι ἀλυσιτελῆ ποιῆσαι τοῖς ἀδίκοις τὴν ἀίσχροκέρδειαν.

⁹ Лучшей публикацией памятника и поныне остается издание: Stroud R.S. *Drakon's Law on Homicide*. Berkeley, 1968.

Выходя на более высокий уровень постижения ситуации, нельзя не отметить, что наряду с традиционным пониманием законодательства Драконта в последние десятилетия появилось и, так сказать, минималистское. Первой его выразительницей стала, насколько нам известно, С. Хамфрис¹⁰, а в дальнейшем количество мыслящих солидарно с ней ученых только возрастало¹¹.

Суть предлагаемого ею подхода («исторического подхода», как она подчеркивает уже в заглавии своей статьи) в следующем: единственными законами, реально введенными Драконтом, были законы об убийстве, а остальные узаконения, которые последующая традиция связывает с этим деятелем, приписаны ему неправоммерно.

Нам, не скроем, ближе именно эта «ревизионистская» позиция¹², но без ее крайностей. Свое место в полемике об объеме законодательства Драконта мы обозначали уже не раз¹³, так что здесь, видимо, можно обойтись кратким резюмированием того, как видим проблему мы.

С одной стороны, и вправду ведь повергает в некоторое замешательство совершенно беспрецедентная ситуация (аналогий в античной Греции нет), при которой в Афинах через четверть века (строго говоря, чуть больше: 621–594 гг. до н.э.) после одного свода законов пришлось вводить второй, совершенно новый и при этом отменяющий предыдущий. Что же, Драконт оказался настолько уж неумелым законодателем? Нет,

---

¹⁰ *Humphreys S. C. A Historical Approach to Drakon's Law on Homicide // Symposium 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1991. S. 17–45.*

¹¹ Например: *Schmitz W. «Drakontische Strafen»: Die Revision der Gesetze Drakons durch Solon und die Blutrache in Athen // Klio. 2001. Bd. 83. Ht. 1. S. 7–38; Barta H. «Graeca non leguntur»? Zu den Ursprüngen des europäischen Rechts im antiken Griechenland. Bd. II: Archaische Grundlagen. Tl. 1. Wiesbaden, 2011. S. 77 ff.*

¹² Сразу оговорим: это отнюдь не означает, что мы симпатизируем минималистскому подходу к раннегреческому законодательству в целом, предложенному К.-Й. Хёлкескампом (см.: *Hölkeskamp K.-J. Written Law in Archaic Greece // Proceedings of the Cambridge Philological Society. 1992. Vol. 38. P. 87–117; Idem. Schiedsrichter, Gesetzgeber und Gesetzgebung im archaischen Griechenland. Stuttgart, 1999; Idem. What's in a Code? Solon's Laws between Complexity, Compilation and Contingency // Hermes. 2005. Bd. 133. Ht. 3. S. 280–293*). Здесь мы говорим конкретно о Драконте, т.е. по тематике, которую, можно предположить, мы знаем лучше, чем кто-либо в России (в частности, в свое время нам довелось перевести драконтовский закон об убийствах) (см.: *Суриков И.Е. Проблемы раннего афинского законодательства. С. 31 слл.*).

¹³ См.: *Суриков И.Е. Законодательство Драконта в Афинах и его исторический контекст // Древнее право. Ius antiquum. 2000. № 2 (7). С. 8–18; Он же. Проблемы раннего афинского законодательства. С. 27 слл.; Он же. О некоторых мнимых реальностях в античной и современной историографии древних Афин. С. 239 слл.; Он же. Законодательные реформы Драконта и Солона: религия, право и формирование афинской гражданской общины // Одиссей: человек в истории. 2006. С. 201–220; Он же. Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемиические заметки). Ч. I.*

он стоял на уровне своего времени, и его законы об убийстве оказались не только жизнеспособными (ими в Афинах пользовались века и века), но и чуть ли не образцовыми (афиняне позже гордились, что таких законов об убийстве, как у них, во всей Элладе нет). Вряд ли мог человек, проявивший такую компетенцию в данной конкретной сфере права, оказаться совершенно несведущим в остальных.

С другой стороны, будучи историком, автор этих строк понимает: античные источники (даже и поздние) — что ни говорить, это такая вещь, совсем не считаться с которой нельзя, хотим мы того или не хотим. Но вот в чем мы абсолютно убеждены — так это в том, что ответственные выводы системного характера могут делаться только в отношении цикла законов Драконта об убийстве. Мы *допускаем*, что этот афинский евпатрид¹⁴ издавал и какие-то иные законы, помимо цикла περὶ φόνου; но мы, с другой стороны, *вынуждены* констатировать: драконтовские узаконения в области других сфер права если и существовали, то были отменены Солоном и, следовательно, до классической эпохи сохраниться не могли. Даже если переставшие быть актуальными доски с упраздненным законодательством и отнесли в какой-то «архив» (применительно к архаическим Афинам это значит — в опистодом какого-то храма), то что должно было случиться с ними в годину нашествия Ксеркса, в 480 г. до н.э.?

Афины тогда были взяты, сожжены и разрушены. Незадолго до того город подвергся эвакуации, а все, что не было эвакуировано, погибло в огне пожара. Действовавшие на тот момент законы Солона полисные власти, покидая родину, несомненно, захватили с собой (поскольку полис — в силу специфики этого типа государственного организма — продолжал функционировать даже после утраты территории, его «конституция» должна была быть спасена). Но с какой бы стати было спасать тексты отмененного законодательства Драконта, решительно никому уже не нужные? Ведь эвакуация проводилась в крайне спешном порядке, вывозилось только самое необходимое. Даже многих жителей «по причине старости оставляли в городе» (*Plut. Them.* 10). Покидать на верную гибель людей, но при этом брать с собой устаревшие законы — не отдает ли подобная гипотетическая ситуация абсурдом?

Итак, законов Драконта *не* об убийстве (т.е. и о краже в том числе) либо не было вообще, либо они не могли сохраниться до времен классической афинской демократии. Помнить о них (в том случае, если они все-таки существовали) люди могли только по слухам, передаваемым из уст в уста, от поколения к поколению. Иными словами, вступала в силу устная тра-

---

¹⁴ Аллюзия на статью: *Никитский А.В.* Драконт Евпатрид // Известия РАН. 1919. Т. 13. С. 601–614.

диция. А эта последняя весьма отличается от той, которая зафиксирована в письменных источниках; она пользуется своеобразными механизмами и обладает специфическими особенностями¹⁵.

Так, показано¹⁶, что в устной памяти даже важнейшие события сохраняются в относительно корректной форме примерно на протяжении столетия (жизнь трех человеческих поколений), а затем они начинают подвергаться самым разнообразным искажениям, обрастают красочными деталями и подробностями чисто легендарного характера. Более того, столетие аутентичной передачи — это еще один из самых лучших возможных вариантов, реализующийся в тех случаях, когда факт, о котором рассказывается, не вызывает прагматической заинтересованности того или иного рода у последующих поколений (но такие факты — именно в силу названного фактора — редко и запоминаются).

В тех же случаях, когда событие оказывает влияние на будущее, его передача устной традицией значительно раньше, едва ли не сразу, становится тенденциозной. Например, поступательной и интенсивной мифологизации подвергались как раз образы раннегреческих законодателей¹⁷, одним из которых был Драконт. И данное обстоятельство вполне понятно: эллинские полисы на протяжении еще многих веков жили по законам, введенным этими деятелями, иными словами, их фигуры оставались актуальными. А достоверных данных о них существовало очень немного. И поскольку, как известно, «свято место пусто не бывает», место фактов в последующем восприятии занимали красивые построения «вторичной мифологии».

И все же можно предположить, что в традиции, приписывавшей Драконту смертную казнь за кражу, есть зерно истины. Здесь можно говорить скорее не о фикции, а о неточном понимании афинянами классической эпохи одного из положений драконтовского закона об убийстве. Это положение, находящееся ближе к концу эпиграфической копии

---

¹⁵ В связи с дальнейшим подробнее см.: Суриков И.Е. Классическая афинская демократия и устная историческая традиция // Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год. Устная традиция в письменном тексте. М., 2013. С. 497–520.

¹⁶ Этапной в данном отношении стала известная работа: Vansina J. Oral Tradition: A Study in Historical Methodology. London, 1965. Применительно конкретно к античной Греции см.: Ruschenbusch E. Die Quellen zur älteren griechischen Geschichte: Ein Überblick über den Stand der Quellenforschung unter besonderer Berücksichtigung der Belange des Rechtshistorikers // Symposium 1971: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte. Köln, 1975. S. 70; Суриков И.Е. Еще раз о законодательствах Драконта и Солона в Афинах (полемические заметки). Ч. I. С. 9.

¹⁷ См.: Ruschenbusch E. Πάτριος πολιτεία. Theseus, Drakon, Solon und Kleisthenes in Publizistik und Geschichtsschreibung des 5. und 4. Jahrhunderts v.Chr. // Historia. 1958. Bd. 7. Ht. 4. S. 398–424; Szegeedy-Maszak A. Legends of the Greek Lawgivers // Greek, Roman and Byzantine Studies. 1978. Vol. 19. No. 3. P. 199–209.

(IG I³. 104.36–39) и потому очень плохо сохранившееся, но восполняемое из цитаты у Демосфена (*Demosth.* XXIII.60), звучит так: «Если один человек, защищаясь, убьет другого, уводящего или уносящего что-то с применением силы и вопреки справедливости [под эту категорию подпадают и воры, точнее, грабители. — *И.С.*], причем совершит это на месте преступления, то такое убийство не требует наказания (*ἡγορευεῖ τεθνᾶναι*)»¹⁸. Убивший грабителя не нес никакой ответственности. Это-то и могло впоследствии восприниматься как смертная казнь за воровство.

О том, что говорилось в связи с кражами в своде второго (и несравненно более крупного) архаического афинского законодателя — Солона (594 г. до н.э.), сведений сохранилось больше, но и тут нас ждет немало неясностей. Как известно, три свидетельства источников, наиболее подробно и притом наиболее систематично освещающие солоновскую деятельность, — это посвященный ей пассаж в «Афинской политике» Аристотеля (*Arist. Ath. pol.* 5–12), биография Солона, написанная Плутархом¹⁹ (*Plut. Sol. Passim*), и небольшое жизнеописание того же персонажа, содержащееся в труде Диогена Лаэртского (*Diog. Laert.* I.45–67). Во всех трех этих свидетельствах с той или иной степенью детальности, достоверности и т.п. перечисляется немало количество законов Солона, но, как ни досадно, именно по поводу закона о кражах — ни слова!

С другой стороны, совершенно точно известно, что такой закон у Солона, разумеется, был (да иное и представить себе невозможно). Это не догадка, а вывод, строго следующий из ряда посылок. Греческий лексикограф II в. н.э. Юлий Полидевк (Поллукс), большой эрудит, указывает, что Солон в своих законах (*ἐν τοῖς νόμοις*) называл кражу (*κλέμμα*) словом «κλέπος» (*Poll.* VIII.34). Весьма значимое наблюдение! Видел ли лично Полидевк написанные на древних деревянных аксонах солоновские законы, мы сказать не можем (во всяком случае, его старший современник Плутарх их видел); тем не менее мы здесь видим, что с лексикой их он был знаком и специально оговаривает, что афинский реформатор употреблял в данном случае не общепринятую впоследствии лексему²⁰,

¹⁸ Об этом выражении см.: *Velissaropoulos-Karakostas J.* *Ἠγορευεῖ τεθνᾶναι* // *Symposion 1990: Vorträge zur griechischen und hellenistischen Rechtsgeschichte.* Köln, 1991. S. 94–105.

¹⁹ О ее источниковой значимости см.: *Аверинцев С.С.* Наблюдения над композиционной техникой Плутарха в «Параллельных жизнеописаниях» («Солон») // *Вопросы классической филологии.* Вып. 1. М., 1965. С. 160–180; *Суриков И.Е.* «Солон» Плутарха: некоторые источниковедческие проблемы // *ВДИ.* 2005. № 3. С. 151–161; *Blois L. de.* *Plutarch's Solon: A Tissue of Commonplaces or a Historical Account?* // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches.* Leiden; Boston, 2006. P. 429–440.

²⁰ У Ксенофонта (автора классической эпохи) в вышецитированном пассаже, как мы видели, фигурирует именно *κλέμμα*, а не *κλέπος*.

а более архаичную, что само по себе является, несомненно, аргументом в пользу аутентичности приведенной формулировки.

Далее, у оратора Лисия, автора несравненно более раннего, есть речь «Против Феомнеста» (*Lys. X*), специально посвященная разбору (в казуистических целях) лексики «древних законов Солона» (*νόμους τοὺς Σόλωνος τοὺς παλαιούς*). И в ней, в частности, цитируется закон, в котором упоминается вор (*κλέπτης*). Отрывок (*Lys. X.17*) с трудом поддается пониманию, поскольку он вырван из контекста, да к тому же еще и искажен, что порождало различные конъектуры²¹. Но, как бы то ни было, речь однозначно идет о какой-то ситуации, связанной с кражей.

Высказывается по поводу солоновского законодательства о краже и Геллий. Как мы видели выше, Драконту он приписал смертную казнь за это преступление. А касательно Солона римский автор говорит так: «Он в своем законе против воров назначил им наказанием не смерть, как ранее Драконт, а выплату двойной стоимости похищенного» (*is sua lege in fures non, ut Draco antea, mortis, sed dupli poena vindicandum existimavit*). Это было, дескать, смягчение суровых установлений Драконта Солоном (*Gell. XI.18.5*).

Указанное здесь наказание — всего лишь компенсация похищенного в двойном размере выглядит каким-то уж чрезмерно мягким, учитывая достаточно большую суровость афинских законов, причем в особенной степени применительно именно к не столь уж и значительным преступлениям²² (среди каковых следует числить и кражу — все-таки это не убийство и не государственная измена). Геллий, как известно, писал свой труд в Аттике и, несомненно, имел там доступ к каким-то источникам права. Но то ли он понял их превратно, то ли прочел поверхностно... Не то чтобы он был совсем не прав (сведения о двойном возмещении для некоторых конкретных случаев мы действительно встретим ниже), но, во всяком случае, реальная ситуация была во многом иной, более сложной.

А какой она была — об этом самое лучшее представление дает обширный пассаж из речи Демосфена «Против Тимократа» (*Demosth. XXIV*)²³. В нем и цитируется, и комментируется закон о краже, определяемый оратором как солоновский. Соответственно, данное свидетельство имеет для

²¹ Например, С.И. Соболевский переводит его так: «Кто не пускает в дверь, когда в доме находится вор». Спорные моменты связаны только с первой частью отрывка (до запятой); во второй — предельно прозрачный *genetivus absolutus*: *ἔνδον τοῦ κλέπτου ὄντος*.

²² См. в связи с этим: Суриков И.Е. О некоторых особенностях правосознания афинян классической эпохи // Древнее право. *Ius antiquum*. 1999. № 2 (5). С. 34–42.

²³ Здесь мы совершенно не останавливаемся на принадлежности или непринадлежности той или иной речи из корпуса Демосфена ему самому. В рамках данной статьи этот вопрос совершенно не принципиален. То же самое относится и к проблеме авторства «Афинской политики» Аристотеля.

нас чрезвычайно большое, принципиальное значение. Его совершенно необходимо привести (мы будем только пропускать места, не имеющие прямого отношения к интересующей нас тематике, например рассуждения автора, носящие чисто риторический характер).

Демосфен начинает так: «Законы, установленные Солоном... предписывают следующее: если кто-либо уличен в воровстве и не приговорен к смертной казни, ему в качестве дополнительного наказания должно быть назначено тюремное заключение»²⁴. Уже отсюда видно, что за кражу могли карать даже смертью (ср. с указанием Ксенофонта, цитировавшимся выше).

Вскоре оратор велит зачитать и сам текст закона: «При похищении у кого-либо какой-то собственности, если пострадавший сам возьмет ее²⁵, штраф укравшему назначается в двойном размере стоимости украденного, если же не возьмет — в десятикратном размере²⁶, в добавление к штрафу, установленному законами²⁷. Вор должен быть закован в ножные колодки в течение пяти дней и пяти ночей, если гелиея приговорит его к этому дополнительному наказанию²⁸. Право предложить дополнительное наказание имеет каждый желающий, когда речь будет идти о его размере»²⁹.

Через некоторое время автор вновь возвращается к той же теме: «Солон издал закон, согласно которому лицо, укравшее в течение дня свыше 50 драхм, подлежит аресту и передаче коллегии Одиннадцати. Если же кто совершит кражу ночью, то его можно убить на месте, ранить при преследовании и передавать коллегии Одиннадцати, если пострадавший захочет. Что же касается виновного в преступлении, за которое назначаются арест и передача в руки коллегии Одиннадцати, то в этом случае преступник не выставляет поручи-

²⁴ *Demosth. XXIV.103: λεγόντων γὰρ τῶν νόμων οὗς ἔθηκε Σόλων... ἄν τις ἀλφῶ κλοπῆς καὶ μῆτιμῆθῃ θανάτου, προστιμᾶν αὐτῷ δεσμόν...*

²⁵ То есть, очевидно, если вор добровольно, без принуждения отдаст вещь, опознанную владельцем.

²⁶ Так в рукописях. Издателей часто смущает такая крупная цифра, и они исправляют 10-кратный размер (δεκαπλασίαν) на двойной (διπλασίαν). В свете дальнейшей информации это, видимо, правомерно.

²⁷ Так в переводе В.Г. Боруховича, которым мы пользуемся. В действительности речь идет о дополнительном наказании, суть которого раскрывается далее. Пояснение см.: *Poll. VIII.22*.

²⁸ Здесь аутентичность текста подтверждается появлением аналогичной формулировки у Лисия (*Lys. X.16*) в той самой его речи, в которой он, как мы видели, намеренно старается сохранять подлинную лексику древних законов.

²⁹ *Demosth. XXIV.105: "Ο τι ἄν τις ἀπολέσῃ, εἰ μὲν αὐτὸ λάβῃ, τὴν διπλασίαν καταδικάζειν, εἰ δὲ μὴ, τὴν δεκαπλασίαν πρὸς τοῖς ἐπαιτίοις. δεδέσθαι δ' ἐν τῇ ποδοκάκκη τὸν πόδα πένθ' ἡμέρας καὶ νύκτας ἴσας, εἰ μὲν προστιμῆσῃ ἢ ἡλιαία. προστιμᾶσθαι δὲ τὸν βουλόμενον, ὅταν περὶ τοῦ τιμῆματος ᾖ.*

телей с возвращением затем стоимости украденного, но наказывается смертью. И если кто украдет плащ, или лекиф, или другую вещь небольшой стоимости из Ликея, Академии или Киносарга³⁰, или какой-нибудь предмет из оборудования, хранящегося в гимнасиях или портах государства, стоимостью выше 10 драхм, то таким лицам Солон установил также наказанием смертную казнь. Если же кто будет уличен в воровстве у частного лица, ему назначается штраф в размере двойной стоимости украденного, а суду предоставлялось право назначить, помимо штрафа, дополнительное наказание — содержание вора в оковах в течение пяти дней и пяти ночей, чтобы все могли его видеть заключенным в тюрьме. Обо всем этом вы слышали ранее, когда оглашались законы. Солон считал необходимым, чтобы совершающий преступление не только возвращал похищенное и этим добивался оправдания (он полагал, что в таком случае воров станет множество — если они, утаив похищенное, получают возможность спокойно им обладать, а в случае разоблачения ограничатся лишь возвращением похищенного), но требовал возмещения стоимости в двойном размере, добавив к этому наказанию заключение в оковах, чтобы позор тяготел над осужденным всю жизнь»³¹.

Это тот редкий случай, когда нам представилось совершенно необходимым дать очень пространную цитату — как в переводе, так и в оригинале. Сколь много говорит практически каждая фраза в ней специалисту по греческому праву! Уже в первой фразе данного пассажа речь заходит о специфической афинской юридической процедуре ἀπαγωγή — ареста преступника³² и передачи его в руки известной коллегии Одиннадцати³³, ведавшей исполнением наказаний. В таком случае дело для банального

³⁰ Знаменитые афинские гимнасии.

³¹ *Demosth.* XXIV.113—115: ὁ Σόλων... νόμον εἰσήνεγκεν, εἰ μὲν τις μετ' ἡμέραν ὑπὲρ πεντήκοντα δραχμῶν κλέπτοι, ἀπαγωγὴν πρὸς τοὺς ἑνδεκ' εἶναι, εἰ δέ τις νύκτωρ ὄτιοῦν κλέπτοι, τοῦτον ἕξειναι καὶ ἀποκτεῖναι καὶ τρῶσαι διώκοντα καὶ ἀπαγαγεῖν τοῖς ἑνδεκα, εἰ βούλοιο. τῷ δ' ἄλονται ὧν αἱ ἀπαγωγαὶ εἰσιν, οὐκ ἐγγυητὰς καταστήσαντι ἕκτισιν εἶναι τῶν κλεμμάτων, ἀλλὰ θάνατον τὴν ζημίαν. καὶ εἴ τίς γ' ἐκ Λυκείου ἢ ἐξ Ἀκαδημείας ἢ ἐκ Κυνοσάργους ἱμάτιον ἢ ληκύθιον ἢ ἄλλο τι φαυλότατον, ἢ εἰ τῶν σκευῶν τι τῶν ἐκ τῶν γυμνασίων ὑφέλοιο ἢ ἐκ τῶν λιμένων, ὑπὲρ δέκα δραχμῶν, καὶ τούτοις θάνατον ἐνομοθέτησεν εἶναι τὴν ζημίαν. εἰ δέ τις ἰδίαν δίκην κλοπῆς ἀλοίῃ, ὑπάρχειν μὲν αὐτῷ διπλάσιον ἀποτεῖσαι τὸ τι μὴθέν, προστιμῆσαι δ' ἕξειναι τῷ δικαστηρίῳ πρὸς τῷ ἀργυρίῳ δεσμὸν τῷ κλέπτῃ, πένθ' ἡμέρας καὶ νύκτας ἴσας, ὅπως ὀρέων ἀπαντες αὐτὸν δεδεμένον. καὶ τούτων ὀλίγω πρότερον ἠκούσατε τῶν νόμων. ἤετο γὰρ δεῖν τὸν γε τὰ αἴσχυρ' ἔργ' ἐργαζόμενον μὴ ἂν ὑφέλετο μόνον ἀποδόντ' ἀπηλλάχθαι (πολλοὶ γὰρ αὐτῷ ἐδόκουν οὕτω γ' οἱ κλέπται ἔσσεσθαι, εἰ μέλλοιεν λαθόντες μὲν ἕξειναι, μὴ λαθόντες δ' αὐτὰ μόνον καταθῆσθαι), ἀλλὰ ταῦτα μὲν διπλάσια καταθεῖναι, δεθέντα δὲ πρὸς τούτῳ τῷ τιμῆματι ἐν αἰσχύνῃ ζῆν ἤδη τὸν ἄλλον βίον.

³² Об этой процедуре см. специальное исследование: *Hansen M.H.* *Apagoge, Endeixis and Ephegesis against Kakourgoi, Atimoi and Pheugontes: A Study in the Athenian Administration of Justice in the Fourth Century B.C.* Odense, 1976.

³³ О которой см.: *Burgess S.J.* *The Athenian Eleven: Why Eleven? // Hermes.* 2005. Bd. 133. Ht. 3. S. 328—335.

воришки могло и вправду закончиться смертной казнью! Поневоле вспомнишь о суровости, (якобы) характерной для драконтовских узаконений. В демократических Афинах IV в. до н.э. с правонарушителями обращались ничуть не гуманнее.

Вот несколько примеров. Некого человека «Фениппид здесь привел к властям³⁴ как одежного вора (λωποδύτην); вы судили его в дикастерии, приговорили к смертной казни и отдали палачу, чтобы забить его палками насмерть³⁵». Это свидетельство Лисия (*Lys.* XIII.68). «Законы требуют наказывать смертью тех из воров (κλεπτόν), кто сознается, и предавать суду тех, кто запирается». Это свидетельство Эсхина (*Aesch.* I.113), писавшего полвека спустя после Лисия. «Похититель за свое преступление заслуживает смертной казни». А это Демосфен (*Demosth.* XIII.14), современник Эсхина.

Но сказанное ни в малейшей мере не означает, что для вора не было альтернативы. Особенность (полагаем, все-таки счастливая) аттического права заключалась в том, что в ней для многих (если не для всех) юридических коллизий возможно было несколько параллельных вариантов решения³⁶. Того же вора можно было осудить с помощью ἀπαγωγή — публичного процесса; тогда правонарушителю мог быть вынесен даже смертный приговор, однако пострадавший в таком случае ничего не получал. Гораздо выгоднее для жертвы было возбудить частный иск (ἰδία δίκη) о краже и получить двойное возмещение.

Обратим внимание еще вот на какой нюанс, связанный с ἀπαγωγή: как видно из процитированного фрагмента, «порог» смертной казни за хищение государственной собственности наступал при значительно меньшей сумме, чем в случае хищения частной собственности (приводятся и цифры — соответственно 10 и 50 драхм). Это, несомненно, связано с потребностями формирующегося полиса.

Кстати, к вопросу о драмах. Упомянутая в законах Солона драма — это не монета: в начале VI в. до н.э. Афины еще не чеканили. Тем не менее в ссылках античных авторов на солоновские законы драхмы упоминаются достаточно регулярно. Заслуживает всяческой поддержки та интерпретация, которую предлагает видный нумизмат Дж. Кролл³⁷:

³⁴ Имеется в виду та же процедура ἀπαγωγή.

³⁵ Здесь речь идет об ἀποτυπασμός — виде казни, при котором приговоренному наносился смертельный удар по голове палкой или дубиной.

³⁶ На этом совершенно справедливо делается акцент на всем протяжении книги: *Carawan E. Rhetoric and the Law of Draco.*

³⁷ См.: *Kroll J.H. Silver in Solon's Laws // Studies in Greek Numismatics in Memory of M.J. Price. London, 1998. P. 225–232; Idem. The Monetary Use of Weighed Bullion in Archaic Greece // The Monetary Systems of the Greeks and Romans. Oxford, 2008. P. 12–37.*

солоновские драхмы — это нечеканенные слиточки серебра, представляющие собой последнюю стадию перехода от домонетных денег к монете как таковой на афинской почве.

Отдельный вопрос — о масштабе цен. В солоновские времена одну драхму стоила овца, пять драхм — бык. Уже в конце V в. до н.э. бык стоил в 10 раз больше (соответственно, увеличим пропорционально и предполагаемые цены на остальные товары). Эквивалентом чего же являются вышеупомянутые 10 и 50 драхм? Этот вопрос отложим для отдельного исследования.

Возвращаясь к основной теме настоящей статьи, уместным в связи с вышесказанным представляется процитировать еще и пассаж из «Афинской политики» Аристотеля о коллегии Одиннадцати. Ее члены «должны... подвергать смертной казни взятых под арест воров (κλέπτας), охотников за рабами (ἀνδραποδιστάς) и грабителей (λωποδύτας) в случае их собственного сознания, а в случае заpiresательства приводить на суд и, если будут оправданы, отпускать, в случае же осуждения — предавать смерти» (*Arist. Ath. pol.* 52.1). Эти сведения о коллегии Одиннадцати³⁸ вполне коррелируют с данными, которые можно почерпнуть из уже знакомого нам свидетельства Демосфена.

В «Афинской политике» перечислены три категории преступников: два вида воров — κλέπται и λωποδύται (различие между ними в общем-то было минимальным³⁹), а также андраподисты, порабошавшие свободных и похищавшие или сманивавшие чужих рабов. Все они объединялись под общим названием «злодеев»⁴⁰ (κακοῦργοι) (*Demosth.* IV.47; XXIV.65) и подлежали, как видим, смертной казни.

Осталось только ответить на вопрос: является ли закон (если уж говорить совсем точно, цикл взаимосвязанных законов), который Демосфен связывает с именем Солона, действительно солоновским? Вопрос этот отнюдь не праздный. Неоднократно отмечалось, что Солону в эпо-

³⁸ Кстати, сама коллегия явно имела архаичный характер. Свидетельство тому — ее довольно странная численность. Обычно в демократических Афинах коллегии магистратов (стратегов, эллиноتامиев и т.д.) составлялись из 10 лиц — по числу 10 клисфеновских фил: каждый член коллегии представлял одну из этих фил. Коллегии с числом членов, отличным от 10 (например, девять архонтов — οἱ ἐννέα ἄρχοντες), именно потому такими и были, что восходили в своих истоках к архаической эпохе. Думается, к коллегии Одиннадцати сказанное тоже относится.

³⁹ Λωποδύτης — строго говоря, это «шарящий по плащам», иными словами, карманник, если употреблять современную лексику (в античной Греции, конечно, карманников как таковых не могло быть, поскольку не было карманов). В любом случае перевод С.И. Радцига «грабителей» не представляется оптимальным.

⁴⁰ Об этой категории см.: *Hansen M.H.* Apagoge, Endeixis and Ephegesis against Kakourgoi, Atimoi and Pheugontes: A Study in the Athenian Administration of Justice in the Fourth Century B.C.

ху афинской демократии было приписано немало мер, с которыми он не имел ничего общего⁴¹. Ведь его личность и деятельность мифологизировались ничуть не в меньшей степени, чем это можно сказать о других раннегреческих законодателях (как отмечалось выше).

Применительно же конкретно к Солону можно отметить еще и следующее: его законы подверглись, насколько можно судить, довольно сильной переработке в ходе серьезной законодательной реформы в Афинах, имевшей место на протяжении последнего десятилетия V в. до н.э.⁴² А ораторы следующего столетия (в их числе и тот же Демосфен) на эти изменения, по большому счету, не обращали внимания и по-прежнему цитировали законы как солоновские. В каком-то смысле правомерно неоднократно делавшееся наблюдение⁴³, что выражение «законы Солона» в какой-то момент стало означать фактически то же, что «законы Афин» — *corpus iuris Atheniensium*.

Однако относительно недавно в работе А. Скафура⁴⁴ были выдвинуты весьма ценные, принципиальные тезисы, ставящие под сомнение общепринятое в историографии категоричное деление всех законов Солона, цитируемых в источниках, на две категории — аутентичные и недостоверные. Именно из этой дихотомии исходил Э. Рушенбуш, выпуская в свет свое знаменитое издание «Законы Солона»⁴⁵. Кстати говоря, большую цитату из Демосфена с законом Солона о краже (см. выше) немецкий исследователь, естественно, поместил в «недостоверное».

Скафура же считает, что необходимо выделить еще третью категорию, в которую входят законы, имеющие «солоновское» ядро, но впоследствии претерпевшие изменения и до нас дошедшие уже в таком «модифицированном» виде. Однако изначальная их форма может быть все-таки с боль-

---

⁴¹ См., например: *Mossé C.* Comment s'élabore un mythe politique: Solon, «père fondateur» de la démocratie athénienne // *Annales: économies, sociétés, civilisations*. 1979. Vol. 34. No. 3. P. 425–437; *Hansen M.H.* Solonian Democracy in Fourth-Century Athens // *Classica et mediaevalia*. 1989. Vol. 40. P. 71–99.

⁴² Об этой реформе написано очень много, и ранее приходилось в связи с ней давать в сноске обширный библиографический список. Но теперь эта необходимость отпала, поскольку совсем недавно вышла обобщающая монография: *Carawan E.* The Athenian Amnesty and Reconstructing the Law. Oxford, 2013. Из нее уже и можно почерпнуть ссылки на предшествующую литературу.

⁴³ См.: *Ehrenberg V.* From Solon to Socrates. London, 1968. P. 68–69; *Murray O.* Early Greece. 2nd ed. London, 1993. P. 184.

⁴⁴ *Scafuro A.C.* Identifying Solonian Laws // *Solon of Athens: New Historical and Philological Approaches*. Leiden; Boston, 2006. P. 175–196.

⁴⁵ *Ruschenbusch E.* Σόλωνος Νόμοι. Die Fragmente des solonischen Gesetzwerkes mit einer Text- und Überlieferungsgeschichte. Wiesbaden, 1966.

шей или меньшей детализацией восстановлена посредством скрупулезной аналитической работы с текстами свидетельств. Данный тезис иллюстрируется несколькими конкретными примерами.

Мы совершенно убеждены, что и закон о краже относится к таковым. Закон этот имеет в общем-то достаточно архаичный вид. Чего стоит хотя бы упоминание в нем такого дополнительного наказания, имевшего чисто диффамационный характер, как публичное выставление вора на пять суток в каких-то ножных колодках или оковах... В Афинах рубежа V–IV вв. до н.э. такое установление просто не могло бы появиться: в тогдашнюю эпоху честью уже не слишком-то дорожили⁴⁶. А вот в условиях архаического аристократического полиса ради сохранения чести шли на поединки, на войну, на разрыв с прежде близкими людьми...

Майкл Гагарин, крупнейший ныне в мире специалист по древнегреческому праву архаической эпохи и единственный написавший о нем обобщающее исследование⁴⁷, вполне убежден, что тот закон о краже, который Демосфен цитирует как солоновский, действительно принадлежит афинскому мудрецу-законодателю⁴⁸. Он отмечает главную новацию в этом законе – дифференциацию наказаний. Последние изменяются в зависимости от того, вернул вор украденную вещь или нет; от того, произошло хищение днем или ночью; от того, было похищено частное или государственное имущество; наконец, от того, по какой процедуре возбуждается против обвиняемого судебный процесс.

В результате лицо, осужденное за кражу, могло как подвергнуться смертной казни, так и отделаться «легким испугом», всего лишь компенсировав пострадавшему стоимость похищенного в двукратном размере.

---

⁴⁶ На этой связи радикальной демократизации с некоторой потерей понятий о чести в общем-то справедливо делает акцент латвийский исследователь Х. Туманс. Сошлемся на главную из его работ (*Туманс Х. Рождение Афины. Афинский путь к демократии: от Гомера до Перикла (VIII–V вв. до н.э.)*. СПб., 2002), хотя после этого он написал уже и немало других с аналогичным пафосом.

⁴⁷ *Gagarin M. Early Greek Law*. Berkeley, 1986.

⁴⁸ *Ibid.* P. 65, 75, 128.

I.E. SURIKOV

**IL FURTO NEL DIRITTO GRECO
ARCAICO (SULL'ESEMPIO DI ATENE)
(RIASSUNTO)**

L'Autore esamina le leggi sul furto che la tradizione antica lega ai nomi di Dracone e Solone. Sul primo l'a. prudentemente opta per la tesi che vorrebbe questo personaggio non aver emanato alcuna legge sul furto. Di qui la mancanza di notizie sull'emanazione di norme di questo tipo da parte di questo personaggio. La notizia che Dracone avrebbe introdotto il supplizio capitale per il furto viene dunque ritenuto un mito storiografico (sebbene nato già nell'antichità).

Diversamente, nella legislazione di Solone, si ritiene invece che vi fossero

anche delle prescrizioni sul furto. Testimonianze molto dettagliate di tale disciplina sono presenti infatti nell'orazione XXIV di Demostene. Caratteristica tipica della legislazione di Solone sul furto fu che il regime sanzionatorio fu differenziato in dipendenza della restituzione o meno della cosa rubata da parte del ladro o del fatto che il ladro avesse rubato cose private o pubbliche. Infine, sotto il profilo procedurale, il legislatore stabilì che si dovesse intentare un processo giudiziario contro l'imputato.